

Автор «Песенки Крокодила Гены» почти сорок лет писал стихи «в стол»

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЗВЕЗДОЧКА АЛЕКСАНДРА ТИМОФЕЕВСКОГО

Неуклюжи

В Москве, в домах, что похуже,
Жили себе Неуклюжи.
Один Неуклюж был длиненький,
Другой Неуклюж был кривенький,
А третий носил ботиночки,
Похожие на корзиночки.

Они в разбитую чашку
Клади овсяную кашку.
На завтрак, обед и ужин
Ели ее Неуклюжи...
Длинный брал ложку в руки
И кашку ронял на брюки.
Кривой тыкал вилкой в кашку
И кашку ронял на рубашку,
А третий сыпал в ботиночки,
Похожие на корзиночки.

Неуклюжи плавать любили
И летом на пруд ходили.
Они в любую погоду
С мосточка прыгали в воду.
Один Неуклюж перепрыгивал,
Другой Неуклюж недопрыгивал,
А третий всегда, ребятами,
В воду ступал по пятки,
Так и не сняв ботиночки,
Похожие на корзиночки.

Они, получив получку,
Возле дома кормили Жучку.
Один ей давал колбаску,
Другой – сосисочек связку,
А третий – порызгать ботиночки,
Похожие на корзиночки.

Когда зима наступала,
Неуклюжам тепла не хватало.
Они у настольной лампочки
Спасались от зимней тоски
И пели, такие лапочки:
«Пусть бегут Неуклюжи...»

2004 г.

***
Примета времени – молчанье,
Мозгих рек земли мельчанье,
Ночей кромешных пустота
И дел сердечных простота.
Как обесценены слова...
Когда-то громкие звучанья
Не выдержали развенчанья.
Примета времени – молчанье.
Примета времени – молчанье.
Предпраздничная кутерьма...
Ноябрьский ветер,
злой и хлесткий,
Бесчинствует на перекрестке.
Стоят такси, оцепенев,
И не мигают светофоры,
По главной улице в стране
Проходят бронетранспортеры.
Проходят танки по Москве,
И только стекло дребезжанье.
Прохожий ежится в тоске.
Примета времени – молчанье.
Мысль бьется рыбой об лед,
И впрямь, и вкривь,
в обход, в облет.
И что ж – живой воды журчанье
Сковало льдом повсюду сплошь.
«Мысль изреченная есть ложь».

1959 г.

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ в Переделкине на фестивале детской литературы имени Корнея Чуковского. Я попросила Александра Тимофеевского дать интервью для «Магнитогорского металла», и он с радостью согласился.

– Моя судьба связана с Уралом. Восьмилетним мальчиком я попал с родителями в Ленинград, где нас застала Великая Отечественная война. Никогда не встречал таких прекрасных людей, как ленинградцы. Они пухли от голода, умирали от дистрофии, но не унывали, смеялись до последнего дня, не выказывая своего страдания. Весной сорок второго, после того как мы пережили самую трудную блокадную зиму, нас с мамой эвакуировали сначала в Вологду, а потом в Челябинск, где жила моя бабушка. Она работала заведующей литературным отделом на радио и очень любила Ильменский заповедник, часто привозила оттуда интересные материалы для радио. К бабушке в редакцию приходили челябинские поэты, среди которых был Илья Френкель, написавший знаменитую военную песню «Давай закурим».

С Уралом связывает не только время эвакуации. Мой дед работал финансовым директором Челябинского тракторного завода. В 30-е годы был арестован и расстрелян... Во время войны на короткое время с фронта на Урал был откомандирован отец – он военврач. Вспоминаю, как вместе с ним оказались в Свердловске. Ходили в грибные походы, гуляли по горам, любовались прекрасными закатами. Таких закатов, как на Урале, я больше нигде не видел. Отец был очень талантлив: писал картины и стихи, знал наизусть «Евгения Онегина», прекрасно ездил на лошади, мог любую вещь в доме сделать своими руками. Я лишен такого умения, поэтому всячески мастера, в том числе магнитогорские металлурги и горняки, вызывают у меня восхищение.

– **Вы серьезный поэт, издан несколько ваших больших стихотворных книг: «Песня скорбных душ», «Опоздавший стрелок», «Сто восьмистиший и наивный Гамлет»... Как вы относитесь к тому, что вас прежде всего считают автором популярной во всем мире «Песенки Крокодила Гены»?**

– Конечно, любой поэт – большой или маленький – хочет, чтобы люди познакомились с его творчеством, ведь он пишет для них. Поэтому мне немножко грустно, что «Песенка Крокодила Гены» заслоняет другие мои вещи, которые мне кажутся очень важными. Беда в том, что интерес к стихам упал, телевидение зачастую не замечает ярких

Александр Тимофеевский (р. в 1933 в Москве) – поэт, драматург, известность которому принесли 90-е годы прошлого столетия, хотя страна давно уже распеваала «Песенку Крокодила Гены», написанную на его слова. В начале 60-х после публикации в рукописном журнале А. Гинзбурга «Синтаксис» талант поэта «отмечен» в Комитете госбезопасности СССР. Все последующие годы Тимофеевский работал «в стол» – служил редактором и сценаристом на различных киностудиях, телевидении и радио. Александр Тимофеевский – член Академии кинематографических искусств «Ника». В 2006 ему присудили литературную премию «Венец».

поэтов сегодняшнего времени, хотя микроскопические сдвиги в лучшую сторону происходят. Слава богу, на канале «Культура» известные артисты стали читать по одному стихотворению. Правда, передача «Мелодия стиха» очень коротка, но все же... Есть надежда, что интерес к стихам возродится. Лет 10–15 назад в поэзии возникло новое направление – стихоклипы. Это примерно то же, что музыкальные видеоклипы, только здесь не песня и музыка, а стихотворение и изобразительный ряд. В Европе уже устраивают фестивали стихоклипов.

– **А как родилась любимая всеми «Песенка Крокодила Гены»?**

– Когда снимали мультипликационный фильм, Эдуард Успенский, автор сказок и сценариев про Чебурашку и Крокодила Гены, находился в отдаленной командировке. Режиссеру срочно понадобилась песня для Гены. Позвонили Успенскому, но Эдуард Николаевич сказал, что пока не может включиться в работу, и предложил мне написать текст. Пришлось взяться за дело, ведь в кинематографе, как на заводе, на все отведены сжатые сроки. И вот с нашим замечательным композитором Владимиром Шаинским мы сделали первый вариант песни, который одобрил художник. Однако через некоторое время – звонок. На проходе Шаинский: «Саша, я что-то недоволен песней, надо ее переделать». В первом варианте был такой текст:

*Пусть непогода
и дождь осенний*

*Наводят скуку,
сулят беду,
А мне не грустно,
ведь день рожденья
Бывает только лишь
раз в году.*

Мы собрались на квартире у режиссера мультфильма Романа Качанова. Шаинский с Качановым сели играть в шахматы, а меня заперли на кухне. Волей-неволей пришлось написать новый вариант, в котором слова «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...» стали запевом. Много лет спустя одна девочка спросила меня: кто такие «неуклюжи»? Видимо, она решила, что «неуклюжи» – это такое племя людей. Тогда я написал про «неуклюжей» стихотворение.

– **Долгие годы вы работали редактором в «Союзмультфильме» и «Мультфильме ТО «Экран», писали сценарии мультфильмов и песни к ним. Как вы оцениваете состояние нашей современной мультипликации?**

– Она возрождается. В этом я убедился во время недавнего фестиваля анимационных фильмов в Суздале. Мне и другим членам жюри показались весьма интересными фильмы режиссеров-художников Ивана Максимова, Светланы Филипповой, а также работы студии «Пилот», созданной трагически ушедшим недавно от нас Александром Татарским. Большим интересом среди студентов творческих вузов и молодых мультипликаторов пользуется клуб, ведомый Юрием Норштейном, на котором обсуждают анимационные фильмы,

рассказывают о мастерах мультипликации. Для меня большая честь помогать в этой работе нашему знаменитому режиссеру.

– **Как вышло, что стихи вы писали «в стол», а на хлеб зарабатывали, будучи редактором и сценаристом?**

– Получилось так: в рукописном журнале Алика Гинзбурга «Синтаксис» оказалось несколько моих стихов. После этого моим творчеством заинтересовался КГБ. Генерал Цвигун, он был правой рукой Андропова, прочитав мое стихотворение «На смерть А. Фадеева», мне сказал: «Ни вашего имени, ни ваших стихов страна не узнает». Слово свое он держал крепко, и только к концу 80-х – началу 90-х годов я стал печататься в этой стране. Сейчас пожаловаться не могу, потому что последние годы публикуюсь в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя». Жаль, что они выходят сейчас максимум четырежды в год. Впрочем, такая судьба была уготована не мне одному. Про Бродского говорят, что он никогда не публиковался в советское время. Это не совсем верно: его все-таки единожды опубликовал советский журнал. Маленькое стихотворение нобелевского лауреата было напечатано в детском журнале «Веселые картинки».

– **Александр Павлович, этот год для вас юбилейный – 13 ноября вам 75 лет. Наверное, много работы намечено...**

– Очень. Продолжаю писать песни, стихи. Надеюсь, что в этом году у меня выйдет несколько книг. В издательстве «Воймега» через пару месяцев должна выйти книга стихов «Размышления на берегу моря», издательство «Время» обещает напечатать книгу поэм «Крештест». «Самокат» подписал договор на издание первой большой книги стихов и песен для детей «Пусть бегут Неуклюжи». Я человек суеверный, поэтому при этих словах стучу по столу. Продолжаю работать над сериалом «Новые приключения барона Мюнхгаузена». Уже выпущено две серии, из которых зрители могут узнать, кто на самом деле помог Маленькому Муку и зайчику, изгнанному из своего дома лисцей. Еще у меня есть интересная работа над несколькими песнями для нового фильма Владимира Мотыля, автора незабываемого «Белого солнца пустыни».

– **Что для вас главное в вашем творчестве?**

– Наверное, поиск. Когда я был совсем молодой, написал такие стихи:

*Хочу хоть раз
постигнуть мир,
А там весь век
лежать в падуцей,
Хочу уверовать на миг
В единственность
своих созвучий,
Но кисть не передаст
мечты,
Быть может, смысл*

*в напрасном тщеньи.
Чем тоньше схвачены
черты,
Тем отдаленней
воплощенье.*

Как-то я увидел фильм о Пикассо. Художник в мастерской за мольбертом в длинной холщовой рубашке. Сначала он восхищает нас, зрителей, графическим рисунком, потом мы смотрим с ужасом, как поверх графики он пишет что-то акварелью. Теряется то, чем мы восхищались, и это вызывает неприятие. Затем на мольберте возникает веселый разноцветный петух, но Пикассо и его замалчивает. Поверх петуха рисует рыбу, цветок, еще что-то. В итоге получается абстрактная картина, где из хаоса мазков и буйства красок торчит хвост загубленного художником петушка. Мы шокированы, мы в растерянности, но постепенно понимаем, что являемся свидетелями безудержной щедрости таланта. В этой работе для художника важен не конечный результат, а сам процесс. Возвращаясь к своим трудам, скажу, что, подобно средневековому алхимику, ищущему философский камень, пытаюсь найти алгоритм поэзии, что по определению сделать невозможно. Стало быть, остается поиск.

– **Ваш сын – известный журналист, один из создателей газеты «Коммерсант», тоже пишет стихи?**

– Александр Александрович – моя гордость. Газета «Коммерсант» была грандиозной империей, которая имела массу ответвлений, а мой сын определял стилистику всего куста. Стихов он не пишет, но по рейтингу входит в десятку лучших журналистов страны. Для меня очень ценны его киноведческие работы. Интересная деталь: он так и не закончил киноведческое отделение ВГИКа, но его статьи на этом отделении изучают в обязательном порядке. Сейчас он – шеф-редактор журнала «Русская жизнь».

– **Александр Павлович, пожалуйста, ваши пожелания читателям «Магнитогорского металла».**

– Желаю вам, дорогие, как можно больше встреч с красотой – в природе, в храмах, в художественных галереях, в музыкальных залах... Я всегда хотел поймать миг, когда зажигается первая звездочка. Смотрел на безоблачное небо летним вечером, но тщетно:

*День, утомленный
сонной ленью,
Вдруг опускает повод,
Я снова пропустил
мгновенье,
Когда рождается звезда.
И возникают
в тихой дали
Еще синеватые небес
Та звездочка –
нежней печали
И месяц тонкий –
как порез.*

Желаю вам увидеть, как зажигается первая звездочка над вашим городом.

ИННА ВОСКОБОЙНИКОВА.
Москва – Магнитогорск.